

Роберта Лэтоу

Её единственная страсть

Лэтоу Р.

Её единственная страсть / Р. Лэтоу —

Он – художник в вечных поисках источника вдохновения. Он – мужчина.
Мужчина, разрывающийся между двумя женщинами – преданной подругой,
много лет делившей с ним и успехи и неудачи, и блистательной любовницей,
открывшей для него новый мир наслаждения. Художник не способен творить
без женщины, что стала бы для него не просто возлюбленной, но – МУЗОЙ.
Однако – всегда ли понимает творец, КТО его муза?

Содержание

ФАЙЕР-АЙЛЕНД, НЬЮ-ЙОРК	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
ФАЙЕР-АЙЛЕНД, НЬЮ-ЙОРК	24
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роберта Лэтоу

Её единственная страсть

ФАЙЕР-АЙЛЕНД, НЬЮ-ЙОРК
1993 год

Глава 1

В доме раздавался только шум миксера – она вымешивала тесто для пирога. Ни малейшего ветерка; стояла та удушливая жара, которую Дендре не выносила, а Гидеон очень любил. Утерев пот со лба тыльной стороной ладони, она представила себе мужа в мастерской, одетого только в темно-синие плавки. Он всегда носил темно-синие, похожие на боксерские, трусы, летом на острове чаще всего в них и работал. Коренастый, мускулистый Гидеон, с капельками пота, выступившими во время лихорадочной работы над очередной картиной, тридцать лет спустя после их первой встречи все еще был предметом ее страсти.

Дендре отошла от кухонного стола и оглядела плоды своих утренних трудов: стеклянную миску молочно-белого картофельного супа с накрошенным зеленым луком; блюдо с мясом омаров в майонезе собственного приготовления с расположенными вокруг потрескавшимися оранжево-красными клешнями; длинную зеленую спаржу, сдобренную особой приправой; тарелку свежего салата-латука, подаваемого с соусом из рокфора; сырники с густым шоколадным муссом и сладким кремом. Это было ее произведением искусства – любимые блюда Гидеона, в приготовлении которых она достигла совершенства.

При виде всего этого Дендре ощутила гордость, однако только мысль о восторге Гидеона, когда он откроет холодильник, взволновала ее. В конце концов, она жила ради того, чтобы угождать мужу. В этом она находила и радость, и удовлетворение, в том числе эротическое. Закрыв дверцы холодильника, Дендре вернулась к миксеру, проверила качество теста и стала укладывать кружочки ананаса на дно квадратного противня.

Кухня, где пахло свежей выпечкой, корицей и кишмишем от пирога, была ее царством, и не единственным. Дендре являлась хозяйкой не только усадьбы на Файер-Айленде, но и на острове Гидра в Греции, а кроме того – их с Гидеоном трехэтажной квартиры в Нью-Йорке в Сохо.

Жизнь Дендре Пейленберг протекала в трех домах и двух мирах: мужа и собственном очень уютомном мире мечтаний и представлений о любви, которой ей хотелось бы от Гидеона. Фантазия, которой она тешила себя, и только. Она примирилась с тем, как он любит ее, вскоре после свадьбы. Это не мешало ей обожать его и принимать ту жизнь, какую он ей обеспечивал. Она чувствовала себя счастливой, несмотря на компромиссы.

Дендре слышала шум гидросамолета, потом увидела, как он летит над океаном, приближаясь. Гидросамолет описал над домом круг, другой: это означало, что пассажир или пассажиры хотят, чтобы их встретили.

– О черт, – произнесла Дендре, глядя поверх кухонной раковины в окно. И мысленно добавила: «Куда деваются девочки в самый ответственный момент?»

Гидеон никогда не встречал гидросамолет. Дети, когда оказывались дома, могли встретить, особенно если в гости прилетал человек малознакомый, как сейчас. Кого Гидеон пригласил на обед и забыл ее предупредить? Впрочем, здесь не было ничего удивительного. У Гидеона это было скорее нормой, он радушно зазывал гостей под влиянием минуты, а потом забывал о

них. Итак, кого же? Коллекционера? Торговца картинами? Каких-нибудь весельчаков, которые будут его забавлять? Хорошенькую девицу, которая настолько возбудила в нем страсть, чтобы стать его музой, по крайней мере ненадолго? Кого-то из многочисленных друзей-художников? Очередного историка искусств? Наверняка не журналиста, пишущего об искусстве, – Хэвер Сэвидж поставил бы ее в известность. Знаменитый торговец общался с ней почти исключительно по этому поводу. Или прилетел сам Хэвер?

Но кто бы то ни был, встречать гидросамолет придется Дендре. Притом не закончив работы над ананасным пирогом. Какая досада! Особенно после того, как она мечтала все утро, что они с Гидеоном будут обедать только вдвоем. Напрасная надежда. Они почти никогда не обедали одни. В усадьбе Пейленбергов на Файер-Айленде всегда бывало много и еды, и людей. В доме постоянно жили три помощника и пара подручных Гидеона; двое слуг Дендре, незаменимый Юкио, исполнявший обязанности мажордома, и Китти, судомойка и кухарка (редко допускаемая на кухню), и наконец, три дочери – Дейзи, Пьета и Эмбер. Невозможно было предположить, кто еще постучится в затянутую сеткой дверь и сядет вместе с ними за стол. Гостей всегда принимали радушно.

Этим утром Гидеон был особенно внимателен. Секс был неистово возбуждающим для обоих. Дендре всегда определяла, в каком настроении муж, по тому, как он овладевал ею поутру, что происходило почти всякий раз, когда они спали вместе. В это утро он был радостным, сильным в своем вожделении, бурлил живостью и энергией. Сказал ей, как иногда в минуты страсти: «Я всегда тебя буду любить больше, чем кого бы то ни было».

Дендре верила ему. Потому и пережила годы его измен. Она даже сочувствовала другим влюбленным в него женщинам, потому что хорошо их понимала – сама до сих пор пылала страстью к Гидеону, до сих пор была жертвой, как и все они, его неотразимости как мужчины и великого художника.

Дендре сознавала, что одержимо любит мужа и радостно принимает это как свою жизнь. Люди из мира искусства исподтишка посмеивались над ней: с их точки зрения, Дендре так и осталась заурядной еврейкой из Бруклина, простофилей, кухонной клушей, – но ее это нисколько не трогало. Мужчина, которого хотели все те изысканные дамы, принадлежал ей. Они были вынуждены заискивать перед ней, чтобы заполучить его, а не наоборот. В глазах всего мира она была женой художника, моделью, ее портреты висели в престижных музеях и на стенах жилищ коллекционеров на всех континентах. Уже только поэтому Дендре ощущала себя значительной личностью.

Гидросамолет прогудел над домом еще раз. Это было необычно. Дендре выключила миксер и схватила саронг Дейзи, висевший на спинке стула. Завернувшись, чтобы прикрыть тело и скромный черный купальник, ее дневную одежду на Файер-Айленде. Сняла с вешалки на задней двери старую широкополую соломенную шляпу и небрежно нахлобучила поверх ярко-желтой косынки, покрывающей длинные, выющиеся от природы волосы. Вышла из кухни на деревянную веранду, оглядела усадьбу в поисках кого-нибудь. Нигде не было ни единого признака жизни.

Она взяла одну из маленьких тележек, стоявших в ряд под верандой, и направилась по песку к шаткой деревянной пристани, где их гости высаживались с самолета или катера. Тележка предназначалась для посылок, которые могли прибыть на самолете.

Машин на Файер-Айленде не было. Люди и товары прибывали на частных или общественных паромах, которые пересекали бухту с Лонг-Айленда до многочисленных поселков, протянувшихся вдоль длинной, узкой полосы дюн, делавших этот остров прибежищем для отдыхающих ньюйоркцев. Самые богатые всегда прилетали и улетали самолетами. Однако как бы гости ни попадали на остров, и они, и местные жители ходили пешком к домам и обратно, таская за собой тележки с продуктами, багажом и прочими вещами.

Только постукивание колес о настил нарушало полную тишину. Горячие доски обжигали босые ноги, поэтому Дендре остановилась, взяла сандалии, которые держала в тележке, и обулась. Она прошла лишь небольшое расстояние, приблизилась к мастерской Гидеона, и вдруг, к большому удивлению, увидела, как оттуда вышел муж и побежал к пристани.

Он, казалось, светился от возбуждения. Светло-каштановые волосы, выгоревшие и смешанные с седыми прядями, блестели под солнцем, как и загорелое мускулистое, весьма привлекательное тело. Всем своим обликом он производил впечатление страстного, чувственного человека, которому ведомы и муки, и радости. Сила его страстей, жажда жизни были потрясающими, какими-то первобытными, тем более что на нем не было никакой одежды, кроме плавок. Но будь Гидеон даже в костюме с галстуком, от этого мало что изменилось бы. Вся суть этого замечательного человека и художника выражалась в его глазах – больших темно-карих, почти черных, искрящихся живостью и умом. Это были озорные, чувственные глаза, широко расставленные на большом, квадратном мужественном лице с прямым римским носом, выступающими скулами, ямочкой на правой щеке.

Дендре удалось на краткий миг взглянуть в них. Муж не обратил на нее внимания. Словно она была невидимкой. Это ее задело. Настолько сильно, что женщина остановилась и, онемев, стала смотреть, как он бежит. Потом вновь изгнала из мыслей выражение, которое много раз видела в глазах Гидеона: увлеченность преследованием другой. Соперницы. Повернув тележку, Дендре направилась обратно к дому заканчивать работу над ананасовым пирогом.

Прошло почти два часа, прежде чем Гидеон и Эдер рука об руку вошли в кухню к Дендре. Две дочери, Пьета и Эмбер, вернулись с пляжа с молодым человеком, флейтистом, который жил неподалеку от их усадьбы. Иногда Адам Сорел играл на флейте Гидеону в мастерской, когда художник работал. Пьета с Эмбер после краткого, но дружелюбного приветствия Эдер отняли у нее отца и потащили к Адаму.

Дендре улыбнулась Эдер с другого конца кухни и сказала:

– Ничего особенного, кроме хорошего обеда. Я рада, что вы смогли приехать, разделить его с нами.

Эдер ответила улыбкой, удивляясь самообладанию этой женщины. Неужели та не понимала, после того как они с Гидеоном открыто демонстрировали привязанность друг к другу, что у них серьезные любовные отношения? Эдер не могла решить: или Дендре потрясающе держится в руках, или на самом деле гораздо умнее, чем кажется? Или жена надеется, что этот роман скоро кончится, как и все остальные? Такому, сказала себе Эдер, не бывать.

О жене Гидеона Эдер вспоминала не так уж часто. Но сегодня она поймала себя на том, что оценивает соперницу. У Дендре было отличное тело, очень соблазнительное и удивительно молодое для женщины ее возраста. На несколько секунд Эдер представила ее себе без черного купальника – и Гидеона, с вожделением склонившегося над этим телом. И тут же выбросила эту картину из головы. Дендре существовала для Эдер как почти невидимая жена. Ее лицо с длинным аристократическим носом выглядело скорее интересным, чем красивым. Однако темные, почти черные миндалевидные глаза, полные ума и страсти, казались Эдер застывшими. Будучи женой выдающегося человека, она оставалась одной из представительниц среднего класса, весьма ограниченной духовно. Впечатляющие широкие скулы, красивые чувственные губы, длинная, стройная шея – все, по мнению Эдер, сводил на нет недостаток вкуса. Эдер находила у Дендре какой-то извращенный снобизм и тщательно маскируемую надменность. Миссис Пейленберг пренебрегала косметикой, этикетками модельеров, всяческим – пусть самым умеренным – шиком Пятой авеню. По-прежнему одевалась и выглядела как заурядная жительница Бруклина, хотя картины ее мужа приносили миллионы долларов.

Эдер почувствовала жалость к Дендре Пейленберг. Все в этой женщине казалось трогательным: рабская покорность Гидеону, всепоглощающая любовь к мужу, обожание домашних дел, в которых Эдер видела западню, губительную для личности. То, как она вела себя

с Гидеоном на людях, раздражало Эдер, как и всех людей из мира искусства, – для Дендре он был просто мужем, а не гением. Жена-мещанка не пыталась и не могла стать его истинной музой. Эдер это вполне устраивало, – она не испытывала ни малейшего желания быть хозяйкой и матерью. У Эдер сложились именно те отношения с Гидеоном, как ей хотелось. Они удовлетворяли запросы и обогащали жизнь друг друга. Их объединяли секс и ум, страсть к величию в искусстве. Не майонез собственного приготовления.

Поглядев с другого конца кухни на одиноко стоявшую Эдер, сиявшую красотой и тем румянцем, какой появляется у женщин после занятий любовью, Дендре впервые осознала, что эта светская дама, хищница, интеллектуалка, способна дать Гидеону то, чего она сама предложить не может. Несколько секунд женщины глядели друг другу в глаза, и Дендре ощутила безразличие Эдер. Она, жена Гидеона, не являлась даже соперницей, от которой нужно избавиться, просто вещью, которая не стоит внимания.

Дендре отвела взгляд, сделав вид, что ей необходимо пойти за чем-то в кладовую. Потребовалось волевое усилие, чтобы не утратить самообладания и не выбежать из кухни, – она уловила во взгляде Эдер недоумение, что Гидеон может любить и такую женщину.

В кладовой Дендре села на колоду для рубки мяса, закрыла ладонями лицо и начала глубоко дышать, пытаясь взять себя в руки. Потом сосредоточилась на мысли, которая спасала ее всякий раз, когда в их жизнь входила другая женщина: любовница – не жена, а она является женой Гидеона Пейленберга. Женщиной, без которой он не может жить.

Дендре посидела в кладовой несколько минут, бесстрастно думая об Эдер Корнинг. Тот взгляд вывел ее из равновесия. Он каким-то образом разрушил ее оборону, отрицание того, кем является эта женщина и как глубоко она вошла в их жизнь.

Она вспомнила, как впервые увидела роскошную, изысканную Эдер Корнинг в одном из художественных салонов, где Пейленберги вращались задолго до знакомства с ней. Дендре издали наблюдала за этой выпускницей Беннингтонского колледжа, которая большую часть жизни изучала изобразительное искусство и близко знала блестящих художников и скульпторов. Она была многообещающим искусствоведам и весьма незаурядной личностью. Эдер обладала острым умом, характером, в котором сочетались глубокая проницательность и уверенность в себе, соблазнительной чувственностью, независимостью – всем, что волновало многих незаурядных мужчин. Тех, кто ее интересовал, она всегда заполучала и оставалась верна очередному другу, пока тот обогащал ее жизнь, а потом, когда он становился обузой, бросала...

Долгое время Дендре завидовала Эдер, потому что внимания признанной красавицы жадно добивались множество поклонников, хотя было известно, что у нее есть склонность к пожилым мужчинам большого таланта и творческой мощи. В мире искусства она играла значительную роль и затмевала многих своих коллег.

Дендре считала эту дочь вашингтонского сенатора высокомерной. Было известно, что Эдер богата, владеет немалой частью семейного состояния, что позволяло ей жить, как хочется. Сейчас она как будто бы хотела быть любовницей и музой Гидеона. Сидя в кладовке, Дендре думала о том, что эта молодая, сексуальная интеллектуалка обладает всем, что восхищает Гидеона, чего ему хочется и чего он не находит ни в жене, ни в кратких любовных связях. Гидеон влюбился в эту женщину, ввел ее в свой дом, в их семейную жизнь.

Итак, она это поняла! Прерывисто вздохнув, Дендре словно задернула шторку в сознании, закрыв только что увиденное. Ей всегда удавалось не замечать самых неприятных вторжений в ее жизнь.

Вернувшись на кухню, Дендре увидела Гидеона в окружении двух дочерей и Эдер. Адам играл на флейте. Гидеон любил своих девочек. Они были так похожи на отца, что пребывание с детьми доставляло ему радость. Правда, мое быть и строгим, когда требовалось. Теперь он поглаживал по щеке Пьету. Эмбер взяла его кисть, поцеловала, потом обвила руку отца вокруг

своей талии и прижалась к нему. Это была минута нежности, словно бы заполнившей комнату. Впрочем, все эмоции Гидеона имели подобное свойство.

Счастливая компания не заметила ее возвращения, во всяком случае, никто не подал виду. Дендре наблюдала, как Гидеон оторвался от дочерей; взял Эдер за руку и притянул вплотную к себе. Погладил подругу по голове, глянул ей в глаза. Дендре заметила в муже искру возбуждения – страсти к Эдер. И еще раз сказала себе, что Гидеон никогда ее не оставит. Она опора его жизни.

Девочки уже привыкли видеть Эдер рядом с отцом, поэтому находили в порядке вещей то, что он ее обнимает. Вряд ли они не догадывались об отношениях отца с другими женщинами, которые в течение долгого времени то появлялись в их жизни, то исчезали. Они, подобно ему, были очарованы Эдер. Молодая дама представляла собой воплощение изысканности, успеха, шика – всего, о чем мечтают большинство девушек, – ценностей, которые были несомненны для них, но для их матери несущественны. Пьета, самая младшая, откровенно преклонялась перед Эдер; двадцатидвухлетняя Дейзи была ослеплена ее красотой и умом; двадцатичетырехлетняя Эмбер видела в Эдер утонченную женщину и сама стремилась стать такой.

Девочки любили Дендре; мать олицетворяла собой дом, заботилась о них, как в свое время о ней заботилась ее мать. Но они были и дочерьми своего отца, притом во всех отношениях больше походили на Гидеона. Благодаря таланту отца они получили известность и богатство, были способны начать самостоятельную жизнь, имея все, чего у родителей не было в юности. Интересные девушки, они каждая по-своему собирались добиться успеха, как это сделал отец и делала Эдер. И понятно, что они радовались ее присутствию.

– Обед готов, – объявила Дендре. Группа распалась, и все направились в столовую.

Бросив в кипящую воду спагетти домашнего изготовления, Дендре вновь ощутила, что держит в руках свое счастье. Гидеон и девочки ждали, что их накормит хозяйка дома. Она улыбнулась, вспомнив свою поговорку: «Любовница – это не жена».

Гидеон встал рядом с Дендре, снял с нее косынку, поправил пряди ее волос. Она повернулась к мужу, подалась вперед и поцеловала его. Он взял с рабочего стола чайное полотенце, утер пот с ее лица и любовно погладил по плечу. Просунул руку под купальник, погладил ее голую грудь, потом зад. Ему всегда нравилось ее тело, но он перестал писать портреты жены уже давно, с тех пор как из его любви к ней ушла страсть.

Гидеон отошел на несколько шагов от жены. Он ощущал в себе ту ауру радости, возбуждения и силы, которую любил носить, как король свою мантию. Ему хотелось ощущать полноту жизни еще острее, и это чувство давала ему Эдер, ее страсть и ум – а не жена с ее спагетти. Дендре давала ему нечто иное – семейную жизнь, помеху творчеству, – и это угнетало, душило его.

– Целый день трудишься до изнеможения над стряпней... такая жарница... зачем?

У Дендре хватило ума не ответить «ради тебя».

– Где Китти и Юкио? Наверно, дала им выходной?

– Нет, – отозвался Юкио.

Гидеон обернулся и увидел его и Китти, слуг Дендре. За ними в кухню вошли его помощники.

– Мы установили на пляже обеденный павильон. Стол накрыт, вино охладили, и мы пришли сказать, что обед подан.

Все потянулись за тарелками, чтобы взять их на пляж.

Гидеон пришел в восторг. Он обожал обедать в кругу семьи и друзей под навесом из тростника у кромки воды. Он предвкушал один из тех долгих, неторопливых обедов, после которых так славно полежать на песке или погулять по пляжу. Особой радостью являлось присутствие Эдер. Он намеревался уйти с ней подальше, поплавать в океане, заняться сексом и

полежать в объятиях друг друга на песке у самой воды, чтобы их обдавало волнами. Он был без ума от Эдер. И она от него.

Несколько секунд Гидеон разглядывал жену. Язык ее телодвижений был утонченным, сдержанным. В нем была бодрость молодости, некоторая внешняя холодность, предполагавшая горящий внутри огонь. То, как Дендре пользовалась этим языком, нравилось ему до сих пор. Лицо некрасивое, но интересное. Когда-то эти черты волновали его сокрытыми глубинами ее характера. Теперь он знал, что там, в глубине, самоотверженная преданность и любовь к нему и дочерям, полная покорность его славе и богатству. Вся жизнь Дендре была сосредоточена на нем. Гидеону когда-то это очень нравилось. Теперь только раздражало.

Гидеон отнес в павильон большое блюдо спагетти. Жара и влажность по-прежнему были гнетущими, но обед проходил в трех футах от воды, и легкий ветерок, волны, подкатывавшиеся почти к ногам, приносили какое-то облегчение. Дендре села в конце стола, Гидеон во главе, и обед начался.

Дендре смотрела через стол на мужа. Он выглядел очень молодым, полным жизни, воздух был наэлектризован его присутствием. Он мог быть очень забавным и во время обеда вызвал всеобщий смех, рассказав пару историй из мира искусств. Адам играл на флейте. А Эдер! Она сияла красотой и чувственностью, носила купальный костюм, как матадор свой плащ. Вдоль кромки воды прогуливались несколько человек из Сосен, небольшого поселка, расположенного южнее; они вежливо, с некоторым благоговением при виде великого человека спросили, можно ли сфотографировать их застолье. К удивлению Дендре, Гидеон дал согласие и спросил, пришлют ли ему фотографию. Те пришли в полный восторг.

Большая часть компании, пресыщенная едой, вином и весельем, задремала на песке под пляжными зонтиками. Эдер и Гидеон пошли прогуляться по берегу. Вернулись они в павильон, где Дендре подавала чай и пирожные, уже в сумерках. Их долгое отсутствие не вызвало беспокойства ни у жены Гидеона, ни у других. Все привыкли к исчезновениям и появлениям великого художника.

Шум гидросамолета заставил Эдер прекратить чаепитие. Последовало торопливое прощание, поцелуи некоторых гостей, «спасибо» хозяйке за превосходное угощение. Гидеон и все три дочери Пейленбергов сопровождали Эдер по узкому острову к бухте, где самолет ждал ее, чтобы доставить обратно в Нью-Йорк.

В самолете Эдер погрузилась в полусон. Расслабленная, томная, она вызвала в воображении занятия любовью с Гидеоном в его мастерской и на пляже. Гудение самолета убаюкивало ее и вызывало желание. Эдер затрепетала от возбуждения, ощутив, как по телу прошла волна страсти. Ей захотелось испытать экстаз еще раз.

Близость с Гидеоном давала ей настолько острое удовольствие, что спуститься с этих высот было нелегко. Поэтому в темноте открытой кабины Эдер вновь и вновь переживала каждый миг их дневных занятий любовью. Она впилась зубами в тыльную сторону ладони, чтобы подавить сладострастный вскрик, напрягшись всем телом, задержала дыхание, содрогнулась еще раз, и все было кончено. Наконец-то она спустилась из сексуальной нирваны. Великолепный оргазм без Гидеона был своего рода гарантией, что она не зависит от него даже в этом.

Гидеон был самым могучим мужчиной из всех, кого она знала. Он съедал своих женщин и выплевывал, не задумываясь над тем, что делает, а Эдер не хотела, чтобы ее использовали таким образом. У Гидеона была только одна настоящая любовь, одна подлинная страсть – его работа. Эдер говорила с Гидеоном на эту тему, и он признал, что это правда. Всех женщин мира он мог бы принести на алтарь своего творчества.

Эдер рассмеялась в темноте. Она чувствовала себя не менее сильной, чем он. Вдвоем они удовлетворяли страсть и интеллектуальные запросы друг друга, упивались своей независимостью и понимали один другого, как никто на свете. Для них никогда не кончится вечная игра

мужчины и женщины в кошки-мышки. Эта игра была вдохновляющей и опасной, потому что ставки в ней были высоки: эрос, любовь и сверх-я.

Глава 2

Дендре, разумеется, сидела за столиком номер один в цокольном этаже музея Гугенхайма. Никогда музей не выглядел так великолепно, так оживленно, как в тот вечер, когда общественность чествовала Гидеона Пейленберга ретроспективной выставкой его работ. Потребовалось три года, чтобы организовать выставку, и несколько недель, чтобы установить освещение: подчеркнуть достоинства каждой картины, коллажа, каждой скульптуры. Мягкий, неяркий свет в нескольких дюймах над полом, чтобы можно было ходить, а выше темнота усиливали впечатление. Здесь царила атмосфера гения Пейленберга. Цокольный этаж, где гости вернисажа ужинали и вели непринужденную беседу, был освещен тысячами мерцающих свечей.

Как и требовал протокол, Дендре предупредили о том, что ей предстояло услышать. Государственный департамент и видные представители мира искусства заботились, чтобы официальные мероприятия проходили гладко. Однако когда ее мужа вызвали для получения ордена Почета из рук президента Соединенных Штатов за вклад в американское искусство, Дендре почему-то удивило, что ему нужно встать и идти к круглому помосту. Все присутствующие поднялись и устроили Гидеону долгую овацию. Раздавались топот и крики «браво!». Вдруг в ее сознании возник протест: «Гидеон, этот орден настолько же мой, насколько и твой, тварь ты такая!» Это было совершенно несовместимо с ролью жены художника и потрясло Дендре.

Откуда этот яростный протест? Правительства многих стран удостоили мастера почестей, тем более не в новинку были блестящие выставки, восторг зрителей и художественной общественности. Однако до этого вечера художник уклонялся от приемов, выражал свое сожаление по поводу невозможности участвовать в очередной церемонии и присылал своего агента Хэвера Сэвиджа получать от его имени всевозможные награды. Дело было не только в том, что Гидеон презирал светскую сторону жизни мира искусства – художник знал себе цену, знал меру своего вклада в современное искусство и считал, что может плодотворнее использовать свои силы и время, нежели очаровывать людей, которые восхваляли его.

Дендре всегда восхищалась этой сдержанностью мужа. Теперь, на этом весьма людном мероприятии, где из рук главы государства Гидеон принимал награду, она чувствовала себя униженной его самомнением, его оглушительным успехом.

Неужели это тот самый человек, который посещал картинные галереи и музеи только по утрам, когда там почти не было посетителей, чтобы не попадаться на глаза публике? Не похоже! Этот Гидеон, ее Гидеон, которого она так оберегала от вторжения в его жизнь случайных людей, чтобы он мог жить и работать в тишине и покое, казалось, жадно упивался каждым мигом своего триумфа. Впервые за все годы совместной жизни она почувствовала, что муж отдалился от нее.

Дендре хотелось, чтобы он принял награду безо всей этой суматохи с черным галстуком и вечерним платьем, без льстивых речей тех, кто много лет не замечал его творений. А ведь тогда Гидеон был таким же замечательным художником, как и теперь. Его ранние полотна пользовались большим спросом и почти не появлялись на рынке. Когда же появлялись, то стоили десятки миллионов долларов. Но где были музеи, меценаты, поклонники, когда она и Гидеон отчаянно нуждались в деньгах? Когда она работала на двух работах, чтобы он мог писать, когда ее мать привозила им продукты в мастерскую в заброшенном здании, где не было горячей воды? О да, эта награда их общая, не только Гидеона, и Дендре была уверена, что ее муж, когда поднимется на трибуну, скажет об этом всему миру.

Дендре обвела взглядом знаменитостей из мира искусства, отдающих должное ее мужу и очень вежливо не замечавших ее. Внезапно она почувствовала себя оскорбленной, поймав обожающие взгляды дочерей, устремленные на отца. Гости вяло пожимали руку Дендре, ожив-

ленно болтая с Эдер, и смотрели поверх ее плеча, чтобы встретиться взглядом с кем-то более значительным. Она испытывала не смущение, а презрение к тщеславной любовнице великого человека, что, в сущности, не являлось секретом.

Все смотрели если не на Гидеона, то на Эдер, потому что, поднявшись со стула, он сначала отрывисто сжал руку жены, потом сердечно обнял и поцеловал молодую, чувственную, соблазнительную мисс Корнинг.

Гидеон моментально исчез в толпе и неожиданно появился на трибуне. В зале наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом стульев.

Президент произнес краткую речь:

– Я интересуюсь вашим творчеством со студенческих лет, сэр, и для меня большая честь вручить вам высшую награду страны за достижения в области литературы и искусства.

И передал художнику орден Почета на красно-бело-синей ленте.

Гидеон принял награду в руки, а не на шею. «Ну вот, – подумала Дендре, – настал момент истины. Сейчас он признает, что это наш момент торжества». Всем сердцем она возрадовалась гениальности человека, которого любила сверх всякой меры. Которого кормила и оберегала, чтобы он мог обогатить мир своим талантом.

Гости вновь поднялись со стульев и стояли молча, готовые слушать благодарственную речь одного из самых значительных художников двадцатого века. Дендре тоже встала, у нее ослабли колени от предвкушения: награда, вполне заслуженная делом всей ее жизни, любовью к мужу, почти в руках. Она смотрела, как Гидеон обвел взглядом присутствующих. На одних лицах взгляд задерживался дольше, чем на других. Гидеон был таким же, как всегда, – поразительной личностью. Каждый чувствовал силу этого человека. Наконец Гидеон улыбнулся поклонникам, повернулся и поблагодарил президента легким кивком. Потом с высоко поднятой головой спустился с помоста, не сказав ни слова.

Гости не сразу поняли, что это все. Ему было нечего сказать им. Было ли это оскорблением? Снобизмом чистейшей воды? Или он просто оставался верным себе, говоря своим молчанием то, что утверждал всегда: ему нечего говорить, все сказано в его картинах? Ему некого благодарить, не с кем делить эту минуту торжества. Она принадлежит ему, и только ему.

Дендре наблюдала, как Гидеон идет через толпу, задерживаясь, чтобы где-то принять рукопожатие, теплое слово. Вот он поцеловал знаменитую коллекционершу, с которой его связывали очень теплые отношения. Мужчины похлопывали его по спине. Блестящие дамы в вечерних платьях, увешанные драгоценностями, с обожанием смотрели на него. Президент Соединенных Штатов, оставшийся на трибуне один, выглядел несколько обескураженным. Он ожидал ответной речи и возможности добродушно пошутить над великим художником, очаровать его и между прочим убедить денежную элиту республиканцев, что президент-демократ не прочь перейти в их лагерь. Но вместо этого как будто стал выглядеть менее значительным человеком, чем тот, кого чествовали.

Дендре видела, как дочери и Эдер протискиваются сквозь суетливую толпу к Гидеону, но сама не шевельнулась, не выказала ни малейшего волнения, когда дочери поцеловали ее в щеку и попытались потащить с собой. И тут же была сражена одиночеством, зрелищем того, как быстро уходит ее жизнь: осыпaeмый похвалами Гидеон искренне смеялся вместе с незнакомцем, дети огибали столы, чтобы подойти к нему. Эдер, стоявшая рядом с Гидеоном, обернулась и поглядела в сторону Дендре.

На краткий миг Дендре увидела в сопернице себя – влюбленную, торжествующую вместе со своим мужчиной, – и ее охватило желание принадлежать предмету своей одержимости, как в данную минуту красавица Эдер.

Несколько человек подошли к Дендре с краткими поздравлениями, она машинально поблагодарила их, но у нее было странное ощущение, что телом она здесь, а душа парит где-то в другом месте зала. Ее брат Орландо поцеловал Дендре в щеку и обнял за плечи. Из-за вол-

нения и обиды Дендре почти не замечала старшего брата, с которым была дружна всю жизнь, хотя в те годы, когда складывалась ее личность, они шли разными путями.

– Могла ли ты мечтать в юности, когда впервые привела Гидеона домой, в Бруклин, что тебе когда-нибудь выпадет такой вечер? Что Гидеон станет живой легендой?

Дендре не представляла, что ответить. Неужели Орландо слеп? Неужели не видит, что она брошена ради другой, более молодой, более красивой женщины, совершенно на нее не похожей? Ей хотелось расплакаться, она была охвачена жалостью к себе. Но Дендре была сильной, закаленной компромиссами и достаточно владела собой, чтобы сдержать слезы. Ей и не потребовалось отвечать Орландо, потому что подошла Эдер.

Первые ее слова были обращены к Дендре:

– Присоединяйтесь к нам. Мы не собирались оставлять вас одну за пустым столиком. У нас идет подсаживание то к одному столику, то к другому. Примите участие в этом развлечении.

Дендре уловила жалость Эдер и пришла в замешательство. Она не нуждалась в сочувствии любовницы своего мужа. Но не успела женщина ничего сказать, как Эдер перенесла внимание на Орландо. Они обнялись, Эдер поцеловала его. Он радовался за Гидеона и его семью, радовался этому вечеру, почестям, которые воздавались художнику.

Орландо глянул через плечо на сестру. Неужели Дендре надеялась удержать при себе Гидеона своей рабской покорностью и преданностью, стряпней, выпеченным дома хлебом, уютным домом, когда женщины вроде Эдер будоражат его страсть, сердце, даже душу? Он не испытывал жалости к сестре, просто сочувствовал ее положению и удивлялся, как любовь к мужу перешла в одержимость, обращенную главным образом на себя, а не на выдающегося художника.

Орландо знал это, как и Гидеон. Мужчины были дружны с тех пор, как Гидеон женился на Дендре, и не раз обсуждали, пусть мимоходом, подобные вещи. В том, что его сестра и ее муж любили друг друга, сомнения не было. Что теперь между ними не все ладно, было очевидно. Дендре была опорой, основой жизни семьи, Гидеон хотел этого, нуждался в этом – возможно, до сих пор. Тогда почему же они отделились друг от друга? Страсть Дендре к Гидеону постепенно растворялась в повседневности совместной жизни. Каким-то образом она перенесла свои чувства в старания приготовить идеальное суфле, оберегать покой мужа, сделать их детей своей копией. Дендре пошла в мать. А Гидеону в этом возрасте ежеминутно требовалось вдохновение, которое ему давала не еда, а яркая, молодая красавица, с которой он вел авантюрную любовную жизнь.

Орландо несколько раз ужинал с Эдер и Гидеоном, о чем Дендре не знала. Пути их пересекались случайно: однажды в калифорнийском музее, где Гидеон устраивал выставку своих картин; как-то в Лондоне, в ресторане отеля; и в Париже, где он случайно встретился с Эдер на авеню Монтень и та настояла, чтобы он отобедал с ними. Орландо помнил даже меню: устрицы и бутылка шабли. Ему была понятна страсть Гидеона к Эдер: она бросала вызов всем своим существом – походкой, умом, чувственностью. Эта женщина помогала Гидеону чувствовать себя молодым, будоражила его творческую душу, возбуждала сексуальностью.

Орландо видел, что Гидеон заставляет сестру страдать. Одержимость Дендре убивала то, за что он полюбил ее, и все-таки у них по-прежнему было что-то общее. Прошлые? Любовь? Кто знает? До сегодняшнего вечера Орландо считал, что Дендре сможет не допустить распада их брака.

Теперь, держа Эдер в объятиях, глядя через ее плечо на сестру, он понял, что этот союз обречен. Потухший взгляд Дендре сказал ему, что этот вечер, дань признания родной страны Гидеону, и то, что светила мира искусства воздавали должное ее мужу и весьма предупредительно обращались с ней как с пустым местом, – все это разрушало ее одержимость. Действительность развеяла иллюзии. Но он знал свою сестру и понимал, что она все еще надеется.

Эдер высвободилась из объятий Орландо и обратилась к ней:

– Пойдемте. Мы присоединились к Раухенбургу и Джиму Дайну. Гидеон выставляет угощение. Даже президент с супругой сели за этот столик. Вам не следует оставаться в стороне.

Дендре овладела собой. Она все еще оставалась женой Гидеона Пейленберга, человека, которого чествовали здесь, и Эдер была права: ее место рядом с мужем.

– Гидеон приглашает меня? – спросила она.

– Конечно, – ответила соперница.

Явная ложь! Все трое знали это. Женщины переглянулись и поняли, что Эдер может позволить себе быть великодушной. В конце концов она победила. Она отняла у Дендре привязанность, страсть, любовь Гидеона, и никакого притворства между ними быть не могло.

Но Дендре все же обладала некоторой значимостью в мире искусства. Жены художников – музы-домработницы – занимают в нем особое положение. Поклонники художника могут установить через них прямую связь с художником, когда все остальные пути закрыты. Дендре отлично это знала и иногда – не особенно часто – этим пользовалась. Ее отчужденность от мира искусства поначалу вызвала интерес, который, увы, скоро угас, поскольку Дендре Пейленберг очень мало чем могла блеснуть как личность. Большинство людей видело в ней тень мужа. Однако существовали исключения, и одно из них приближалось теперь к Дендре.

То был Бен Боргнайн, респектабельный торговец картинами, владелец нескольких художественных галерей в Нью-Йорке и Лондоне. Эдер приветствовала его со всем своим обаянием и представила Орландо. Боргнайн приветствовал брата Дендре, но первым делом направился к жене художника и поцеловал ее в щеку. Потом, взяв за руку, сказал:

– Сегодняшнего вечера не было бы, если бы ты много лет не поддерживала Гидеона. Сердечно поздравляю.

Его слова пролились успокоительным бальзамом на ее душу. Бен всегда придавал Дендре сил, помогал почувствовать себя цельной, незаурядной. Они знали друг друга много лет. Бен был одержим картинами Гидеона и не раз представлял их на групповых выставках в своих галереях. Величайшим стремлением Бена было стать единственным агентом по продаже картин Гидеона, чего художник ни за что бы не допустил: у него уже был лучший на свете торговец картинами.

Боргнайн, моложавый пятидесятилетний мужчина, больше походил на крутого бизнесмена в исполнении Стива Маккуина, чем на спокойного, эрудированного, умного владельца галерей. Он был первым любовником Дендре. Бен соблазнил ее много лет назад, и связь их, дающая Дендре уход от реальности ее жизни и подавляющей любви к мужу, то прекращалась, то возобновлялась. Эта связь спасала ее брак, позволяла осуществлять сексуальные фантазии. Тайное обожание требовалось ее хрупкому эго и не представляло угрозы для брака. И не имело ничего общего с Гидеоном и любовью к нему.

Бен имел обыкновение появляться, когда Дендре больше всего нуждалась в нем. Воспрянув, она сказала Орландо и Эдер:

– Ступайте, мы подойдем. – С этими словами налила два бокала шампанского и подала один Бену.

– Замечательный вечер, Дендре, – сказал тот, чокнувшись с ней. – Ты не только чудо, но и выглядишь чудесно.

– Правда? Он засмеялся:

– С головы до пят гранд-дама, жена художника.

– Я старалась! – улыбнулась она. – Если б ты знал, сколько стоит это платье... Больше, чем весь мой гардероб.

– Дендре! Твой муж на прошлой неделе продал Тейту картину за четыре миллиона, а ты все скряжничает? Дорогая, ты уже давно покинула Бруклин. Тебе никто не говорил этого?

– Дочери говорят каждый день. Но они могут позволить себе смеяться над моей скупостью – у них богатые отец и мать.

Благодаря такому добродушному подшучиванию Дендре когда-то обратила внимание на Бена. Она видела его с красивыми женщинами, с которыми тот обращался как с трофеями, и была польщена, когда он удостоил ее внимания и затащил к себе в постель. С тех пор за пятнадцать лет их влечение друг к другу не ослабело.

Всякий раз, когда Бен видел Дендре обнаженной, он вспоминал полотна Гидеона. Бен хотел женщину, изображенную на тех картинах, еще до того, как познакомился с ней и стал ее любовником. И теперь хотел ее все так же сильно. Страсть его разжигало не только тело Дендре, но и ее покорность. Во время секса он проникал в самую душу Дендре и поражался, как мало людей могут понять эту женщину. Казалось, большинство из них не видели в ней ничего, кроме интересного, но некрасивого лица. Бен был одним из немногих, способных понять привязанность Гидеона к ней, понять, почему картины, где изображена Дендре, так эротичны и яркие. Почему люди толпились в музеях перед этими полотнами, названными все как одно «Женщина».

Всем своим существом Дендре принадлежала мужу, и любви между ней и Беном не было. Но секс был. Их отношения радовали Дендре. Первым ее мужчиной был Гидеон, вторым Бен, он, как и муж, мог заставить ее забыть обо всем на свете, почувствовать себя королевой Эротикой, женщиной для всех мужчин. С Беном, как и с Гидеоном, она полностью погружалась в секс, переживая экстазы, не сравнимые ни с чем в жизни. Отдаваясь, она позволяла себе приходить в неистовство, жить полной жизнью.

Поначалу Дендре было трудно принять собственную неверность. Вот почему их роман с Беном прерывался... и возобновлялся. Она прислушалась к шуму толпы, к струнному квартету, игравшему Вивальди, потом обратила внимание на стол, за которым царил Гидеон. Видела, как муж наклонился к Эдер и что-то прошептал ей на ухо. Та соблазнительно улыбнулась, встала и направилась к выходу, Гидеон следовал за ней по пятам. Дендре взяла Бена за руку и, крепко сжав ее, смотрела, как они уходят.

От музея Гуггенхайма было рукой подать до дома на Пятой авеню, где находилась просторная квартира Эдер с окнами на Центральный парк. Лифт открывался прямо в ее холл. Эдер открыла большие японские двери шестнадцатого века – тигры на них были изображены так искусно, что, казалось, готовы прыгнуть. В большой гостиной стояла темнота, оттуда был виден ночной Нью-Йорк, луна и звезды походили на театральный задник. Держась за руки, Гидеон и Эдер отвернулись от этого зрелища и пошли в спальню.

Голую Эдер Гидеон находил еще более привлекательной, чем одетую. Не только из-за красивого, почти совершенного тела: полных, округлых грудей, сосков сливового цвета, весьма соблазнительных, тонкой талии, чуть полноватых бедер, изгиба спины и высокого зада. Она обладала какой-то утонченной сексуальностью. Волосы внизу интриговали Гидеона, возбуждали желание исследовать эту самую интимную часть Эдер.

Длинные, тонкие руки, совершенные бедра, стройные ноги, узкие ступни...

Раздевшись сам, Гидеон поднял женщину на руки, понес к кровати и уложил на бок. Она не потянулась к нему, не поцеловала. Эдер никогда не ласкала Гидеона.

Позволяла себя ласкать. Ждала, что он пробудит ее страсть. Гидеон стал целовать ее груди, соски, покусывать и ласкать их, провел пальцами по щели между ног, нежно коснувшись мягких, скрытых губ. Эдер застонала. Гидеон перевернул ее на живот и поставил на колени; положил ей подушку под голову. Несколько секунд наблюдал, как она приготавливается: Эдер оперлась на предплечья и раздвинула ноги пошире. Он поднялся и медленно взял ее сзади. Глубоко вошел в нее и, держа за талию, стал совершать долгие, легкие движения. Она прижалась к нему задом, требуя продолжать. Тело ее напряглось, сердце часто забилося. В миг экстаза она вскрикнула, не отпуская его, и Гидеон приник к ней, обезумев от страсти. Изверг-

нужен семя, он в прямом смысле слился с Эдер. Они принадлежали друг другу, были одержимы друг другом. Да, эта женщина могла доводить Гидеона до одержимости. Он отдавал ей себя в самой первобытной неистовой, волнующей форме, а она принимала его всем своим роскошным телом. Удержать семя, вкус мужчины, быть заполненной им было для Эдер самым естественным проявлением, самой возвышенной из страстей.

Любовники вернулись в музей через полчаса. Люди общались, смотрели картины. Столы были убраны, но не было признаков, что вечер заканчивается.

Дендре, искавшая мужа, увидела Орландо с их тремя дочерьми. Девушки выросли красавицами, какой она никогда не была, – у детей были осанка и обаяние отца, даже чуточку его надменности. «Девочки преуспеют в этом мире, который так обожают, покажут себя так, как мне не удавалось», – грустно подумала она.

Наконец Дендре увидела, что Гидеон вернулся. Он стоял в небольшой компании, обняв Эдер и лаская ее обнаженное плечо.

Глава 3

– Он многого добился в жизни и все еще сравнительно молод. Он очень долго принадлежит всему миру, и просто поразительно, как ты ухитрялась выносить это, – сказал Орландо, обняв сестру за плечи и поцеловав в темя.

Бен и Дендре нашли его перед ее портретом, привезенным специально для этой выставки из музея современного искусства в Париже. Скрестив руки на груди, Орландо разглядывал картину, когда ощутил рядом присутствие сестры.

Дендре посмотрела на свое изображение. Как Гидеон любил ее тогда! Она прижалась к брату и сказала ему:

– Я была Дендре Московиц, девятнадцатилетней, наивной, когда позировала для этого портрета. И лишь недавно поняла, что после стольких лет с тех пор, как впервые увидела Гидеона, после всего, через что нам пришлось пройти, я во многих отношениях оставалась такой же наивной – до сегодняшнего вечера.

В ее голосе звучало что-то такое, чего ни Бен, ни Орландо раньше ни разу не слышали. Была ли то печаль, сожаление, даже жалость к себе? Бен мог бы понять любое из этих чувств, зная, какая жизнь была у нее с Гидеоном. Но нет. В голосе этой страстной женщины не было ничего подобного, – лишь полное, холодное равнодушие. И впервые за все годы их знакомства он понял, что Дендре не испытывала иллюзий по поводу своих отношений с Гидеоном. Каждый день, каждый час жизни с ним Дендре сознательно закрывала глаза на ту битву, которую вела с мужем, – на свою беззаветную любовь к нему и его тиранию. Теперь приближался кризис, и Бен понимал, что ничем не может помочь. Настало время расстаться с ней.

Он взял руку Дендре и поцеловал.

– Думаю, не такой уж наивной. Может быть, это наивность по расчету. Большинство из нас склонны закрывать глаза на некоторые вещи, чтобы облегчить свое положение. Кстати, там Беттлзы – мне нужно поговорить с ними. Ты извинишь меня? Приезжай, когда сможешь, пообедаем вместе, – сказал Бен и отошел.

Орландо тоже обратил внимание на странность поведения сестры: отстраненность от мужа в такой день, тон, неожиданное горькое признание в собственной наивности. Орландо, весьма умный человек и к тому же врач, в течение многих лет не раз пытался намекнуть сестре, что всепоглощающая любовь и полное подчинение – не лучший способ строить отношения с мужем, что, любя его, она должна найти способ управлять Гидеоном. Но Дендре всегда пропускала мимо ушей его намеки, она была слишком поглощена своей страстью, слишком увлечена фантазией о себе как о миссис Дендре Пейленберг, жене одного из величайших художников современности.

– Дендре, происходит что-то такое, о чем мне следует знать? – осторожно спросил Орландо.

– Думаю, ты знаешь об этом. Мне кажется, об этом знает весь мир. Жена всегда узнает последней, – отозвалась она.

– Давай отойдем вон туда, подальше от толпы. – предложил он.

Ведя сестру к скамье у самого входа в музей, Орландо заметил, что мужчины обращают внимание на Дендре, и увидел в ней чувственную, но очень сдержанную женщину. Он впервые увидел Дендре такой. Его это потрясло. Он привык видеть в сестре любящую, неизменную кормилицу семьи, поглощенную любовью к мужу, несмотря на его многочисленные измены и временами деспотическое поведение. Орландо считал ее гордой женщиной, способной вытерпеть все, что причинял ей Гидеон, потому что Дендре верила: для мужа она дороже всех любовниц. Сколько раз она говорила брату об этом? Он невольно задался вопросом, верит ли она в это до сих пор.

Сев на скамью, Дендре повернулась к брату и спросила:

– Ты всегда знал, ведь так?

– Что знал, Дендре?

– Что он любит меня не так, как я его. Что относится к нашему браку не так, как я.

– В течение всей твоей жизни с ним я пытался втолковать тебе это, моя дорогая, – проговорил Орландо и утешающе взял ее за руку. – Но почему ты вспомнила об этом сейчас, на этом блестящем торжестве? Думаю, здесь совсем не время и не место.

– Потому что сегодня вечером, когда Гидеон пошел получать орден Почета, я впервые поняла, что он никогда не любил меня больше других. Что наш брак для него не более чем удобное соглашение.

– Я назвал бы это иначе и в другое время назову.

– Нет, Орландо, сейчас. Я хочу знать, хочу понять, что было между нами, пока Гидеон не покинул меня ради Эдер.

– Дендре! Ты уверена, что он это сделает?

– Чую нутром. Ну и что бы ты об этом сказал? О нашем браке, ставшем моей жизнью, который подходит к концу?

Орландо не видел смысла уходить от ответа. Наконец-то сестра готова была слушать и услышать, посмотреть и увидеть.

– Дендре, с твоей стороны самонадеянно думать, что муж должен любить жену так же, как она его. Скорее самонадеянно, чем наивно, моя родная. Здесь предъявляет требование это, а не сердце. Очень редко мужья и жены любят друг друга одинаково. Не принимай ничего поспешного в отношении Гидеона и вашего брака. Ты утверждаешь, что поняла теперь, что представлял собой ваш союз. Я в этом не уверен.

Дендре попыталась заговорить, но Орландо перебил ее:

– Пожалуйста, дай мне закончить. Нет никакого сомнения в том, что Гидеон любит тебя. В том, что он счастлив в браке, я тоже не сомневаюсь. Но... насколько он любит эти два аспекта своей жизни, настолько же ненавидит их. У Гидеона и к тебе, и к браку двойственное отношение: любовь – ненависть. Так было всегда. И если дашь себе труд подумать над этим, ты поймешь, что сама всегда это знала.

– Люди так думают? – спросила она с ноткой удивления в голосе.

– Кое-кто – возможно, но я не думаю, что все это знают. Гидеон неплохо скрывает свои чувства. Или, что существеннее, твое поведение всегда гарантировало, что кое-чего ты не понимаешь, и ты постаралась, чтобы этого не понял никто другой.

– Неужели я настолько умна?

– Ты жила его жизнью... Охваченные одержимостью люди очень умны, изобретательны, поскольку хотят сохранять мир своих фантазий.

Мне никогда не приходило в голову, что Гидеон ненавидит меня и наш брак настолько же, насколько любит. То есть пока сегодня вечером у меня не открылись глаза, когда он поднялся со стула, чтобы отойти от меня. Я поняла это, когда он отвернулся от меня, принимая аплодисменты. Я ждала, что он выразит мне благодарность с трибуны, скажет хотя бы одно слово, чтобы его услышал весь мир. Нет. Нет, и все тут. В определенном смысле это самый жестокий удар, какой муж нанес мне. Гидеон радовался своему триумфу. Он и сейчас сияет такой любовью и страстью, каких никогда не питал ко мне. Он испытывал сильные чувства к себе самому, своей работе, своим дочерям, к Эдер, но не ко мне. Почему?

– Ты устроила ему мещанскую жизнь – это смерть для великого художника, который должен быть свободен. Ты опутала его своей любовью и собственничеством, превратилась в тирана с деревянным половником, мученицу пленок. Ты была телохранительницей, не подпускавшей к нему весь мир. Ты держала его в клетке, да, в клетке, дорогая, но он все-таки научился улетать от тебя.

– Хочешь сказать, что и в хорошие, и в плохие времена в течение стольких лет я обманывалась? Что он никогда не любил меня так, как теперь Эдер?

– К сожалению.

– Орландо, я не могу с этим согласиться.

– Знаю. Но в конце концов ты поймешь, что это так, и у вас опять все будет хорошо, – сказал он.

Дендре с горечью усмехнулась. Брат погладил ее по голове и сказал:

– Этот вечер войдет в историю искусства. Напрасно ты портишь его себе.

– Твое обвинение несправедливо. Вечер испортил мне Гидеон!

С этими словами Дендре поднялась со скамьи, вся дрожа.

Орландо тут же встал и принялся утешать ее:

– Дендре, совершенно ни к чему, чтобы тебя видели в таком состоянии. Особенно Гидеон. Выбрала же ты время, чтобы прозреть! Я не хочу, чтобы ты страдала еще больше, так что, пожалуйста, ради всех, кого это касается, – никаких публичных сцен.

Дендре вновь издала нервный смешок. И, сдерживая слезы, сказала брату:

– Видимо, способность закрывать глаза на действительность – фамильная черта, потому что ты сейчас делаешь именно это. Гидеон навсегда уходит от меня, притом демонстративно, на глазах у всех. Он получил от жизни все, о чем мечтал, притом в огромном размере. То, чего я больше всего боялась с того момента, как мы познакомились и я влюбилась в него, происходит на глазах у всей Америки: он бросает меня. Видишь вон те телекамеры? Женщину рядом с ним, которая смотрит на него с обожанием? Это не я, так ведь, Орландо? Наши три дочери стоят позади отца... меня с ними нет, разве не так?

– Ну так давай присоединимся к ним, – возразил брат.

– Зачем?

– Потому что ты много раз так или иначе разыгрывала эту сцену и продолжала жить с ним.

– Ты прав.

– Тогда чем сегодняшний вечер отличается от всех других случаев?

– Сегодня, когда Гидеон не признал перед всем миром моей роли в его жизни и работе, я поняла, что заслуживаю большего, чем привязанность, которую он скупно проявляет ко мне.

– Я не могу это обсуждать.

– Орландо, я бы не отказалась от бокала шампанского.

Дендре наблюдала, как брат скрылся в толпе. Она стояла совершенно одна и взглядом искала лица Гидеона и Эдер. Через несколько мгновений увидела мужа. Пейленберг был выдающимся. Великим.

Гидеон закуривал толстую гаванскую сигару. Никогда еще он не выглядел так великолепно, как в эту минуту. Живой, обаятельный, он вызывал интерес и обожание у всех, попадавших под его чары. Глядя на мужа через разделявшую их толпу, Дендре понимала, что никогда не сможет противостоять ему ни на людях, ни в уединенности их спальни.

Поняв, что не сможет бросить вызов Гидеону, Дендре кое-как взяла себя в руки. Перестала дрожать. Орландо был прав: не нужно ничего предпринимать. Она не пара мужу. Никогда не была парой. Он будет делать все, что захочет, а она – покорно исполнять его желания. Ей ничего не остается, кроме как ждать казни. Разве только спастись бегством...

Разглядывание Гидеона издала оказало гипнотическое воздействие на Дендре. Она поняла, что никогда не сможет убежать. Потом произошло нечто необъяснимое: Дендре, по своей природе никогда не пытавшаяся взглянуть на себя со стороны, занялась именно этим. Воспоминания превратились в яркие картины, пронесившиеся перед ней, словно кадры фильма, который она была вынуждена смотреть против своей воли.

Орландо вернулся с бокалом вина. Сестра задумчиво смотрела сквозь него; он спросил почти шепотом:

– Ты как будто в другом мире, далеко-далеко отсюда. Скажи, ты в порядке?

Дендре увидела глубокую озабоченность в лице брата и погладила Орландо по щеке. Приняв у него бокал, взяла под руку и повела обратно к той скамье, на которой они только что сидели. Двери в музей были открыты, и поток мужчин в черных смокингах, дам в вечерних платьях медленно, но непрерывно струился мимо брата с сестрой.

Дендре едва замечала гостей. Яркие картины собственной жизни перенесли ее в другое время, в другое место, к той жизни, которую она утратила в любви к Гидеону.

– Я на самом деле далеко, снова в Бруклине. Помнишь? Мы были юными, счастливыми и ничего не опасались. Мы были довольны жизнью, не знали и не хотели ничего лучшего. Если не принимать во внимание ушедшей юности, мечтаний матери, нашей самонадеянности, мы все еще как будто живем там.

– Дендре, время не стоит на месте.

Да, но продолжает существовать как воспоминание или как багаж, который мы несем всю жизнь. Я вспоминаю, какой была до встречи с Гидеоном. Какой беззаботной была наша жизнь в Бруклине! Помнишь, как мы гордились, что родились и выросли там, среди выходцев из Европы. Я помню, как познакомилась с Гидеоном. Я сидела на садовой скамейке в Вашингтон-сквер. Стоял солнечный день. Я собиралась позавтракать, держала в руках пакет, приготовленный мамой: бутерброд с языком и швейцарским сыром между толстыми ломтями ржаного хлеба с тмином, книше с мясом, половину маринованного огурца и еще три больших креплаха. И купила стаканчик кофе. Орландо засмеялся:

– Один из легких ленчей нашей мамы. Она была замечательной кухаркой, но очень плохим диетологом.

– Но ты никогда не говорил ей об этом?

– Нет, ни разу.

Я тоже. Она была нашей богиней, опорой нашей жизни. Чего ради было нам обижать маму?.. Гидеон, когда я заметила его, наблюдал за двумя игроками в шахматы. Я подумала, что еще не видела такого красивого мужчины. Он был таким большим и... совершенным, что походил на древнегреческого бога. Излучал одновременно силу и нежность. Он достал из кармана джинсов фляжку, и помню, как я поразились, когда он сделал из горлышка несколько глотков и протянул ее шахматистам. Раньше я ни разу не видела, чтобы мужчина пил на улице. Через пару минут он заметил меня. Сперва мои ноги. Уставился на них. На мне было легкое черное пальто – дело происходило в начале апреля. Оно было распахнуто, и я запахла его, чтобы закрыть ноги. Гидеон громко засмеялся и подошел ко мне. «Ты пиялась на меня», – пояснил он вместо приветствия. Он меня поймал, я растерялась. И ответила – да. Он спросил почему, и я ответила, что еще ни разу не видела мужчину, который пьет прямо на улице. Тут Гидеон подсел ко мне. Бесцеремонно распахнул мое пальто и улыбнулся. «У тебя великолепное тело, очень чувственное, – сказал он. – Оно любит солнце. Не закрывайся от меня. Я очень голоден. Не поделишься со мной своим завтраком?»

– И ты поделилась? – спросил Орландо.

– Я не знала, что еще делать. Отодвинулась от него и разорвала бумажный пакет. Разложила на нем еду. «Какая гора еды на ленч! Ты всегда так ешь?» – сказал он. Я сочла этот вопрос странным. Разве не все так едят? Я была уверена, что да. В нашей семье все так ели, наши друзья тоже. Для меня это было нормой. Помню, как удивилась тогда... «А ты нет?» – ответила вопросом на вопрос. «Нет, к сожалению», – признался он и спросил, с чего начинать. «Я начну с бутерброда», – сказала я и отдала ему половину. Там был ломоть мяса толщиной в дюйм, сыра – в полдюйма... ну, ты знаешь маму. Она не умела отрезать ломоть хлеба меньше чем в дюйм толщиной.

Орландо засмеялся:

– Зато папа умел.

Дендре тоже улыбнулась.

– Мама всегда говорила: это потому, что он всю жизнь кроил шкурки животных.

– Удивительно, когда мы были детьми, мне ни разу не приходило в голову, какой они были странной парой и, однако, как дружно жили в браке, несмотря на разницу в характерах.

Дендре пропустила это замечание мимо ушей и продолжала:

– Гидеон спросил, я ли делала этот бутерброд. Помню, я ответила, что нет, в нашей семье еду готовит мать. «Я рос в доме, где бутерброды были тонкими, почти прозрачными. И был вечно голоден, – сказал он. И спросил, запуская зубы в креплах: – А что это?»

Дендре снова засмеялась.

– Я объяснила, что это равиоли с мясной начинкой, потом стала описывать кнеше как пирог с мясом или картошкой и луком. Гидеон никогда не слышал о еврейской еде. Он был голоден как волк. Я наблюдала, как он поглощал все это, и помню, какой восторг испытала, когда он объявил, что ему понравилась еврейская еда. Я даже отдала ему свой кофе. Доев все, Гидеон улыбнулся мне, и я почувствовала себя безнадежно влюбленной. «Как тебя зовут?» – спросил он. «Дендре Московиц». – «При таком теле, как у тебя, Дендре, и матери, которая так стряпает, я готов немедленно на тебе жениться, поэтому, наверно, следует представиться. Я – Гидеон Пейленберг из Сент-Луиса, голодающий художник, который со временем будет царить в мире искусства. Ты веришь мне?» «Да», – сказала я. Я действительно поверила, Орландо. «Идем со мной». – И он, взяв меня за руку, потянул со скамьи. Собрал остатки нашего завтрака, продолжая держать меня за руку. Потом мы подошли к урне и бросили объедки туда... Я спросила, куда мы идем, и он ответил: в его мастерскую на Нижнем Бродвее. Спросил, где я живу, и, услышав ответ, рассмеялся: «И как я не догадался! У тебя жуткий бруклинский акцент. Нужно как-то избавляться от него». Орландо, мне так отчетливо это помнится, словно было вчера. Как я выдернула у него руку, обидевшись на его замечание. Какую испытала зависть к тому, что у него произношение образованного, культурного человека. «Я горжусь своим акцентом, – заявила я, – и тем, что родилась в Бруклине. Это самый замечательный из пяти районов города, не считая, конечно, Манхэттена. Но Манхэттен – это нечто особое. Ты никогда не бывал в Бруклине?» Я видела по лицу Гидеона, что его удивила, может, даже слегка позабавила моя привязанность к родному району. «Нет, – ответил он. – Знаю только, что он находится на другом берегу Ист-Ривер...»

– Ты лепечешь о прошлом, дорогая. А нужно думать о настоящем. Прошлое мертво, и незачем его воскрешать, – перебил сестру Орландо.

– Для тебя – может быть, но не для меня. Для меня прошлое словно новая демонстрация старого фильма, который я должна посмотреть. И как знать? Может, внимательный взгляд в прошлое поможет мне разобраться в настоящем. Ты, уехав из Бруклина в Гарвард, расстался со своим окружением: мной, мамой и папой, нашим простым маленьким миром великодушных семей и зеленых парков.

– Да, – кивнул он.

– И думаешь, что я нет, так ведь?

Нет, дорогая, ты переехала, но захватила Бруклин с собой. Даже сейчас, здесь, когда весь мир принадлежит тебе, когда твой муж удостоен высших почестей, ты будто бы хочешь принизить его жизнь и труды, да и свои тоже, ради образа жизни среднего класса, экономной, зато бестревожной жизни, какую мы вели в годы своей бруклинской юности. Дендре, глупо оглядываться, перепрыгивая через овраг. Можно упасть в него.

– Это что, оскорбление?

– Нет, милая, предостережение. А теперь давай присоединимся к Гидеону, забудем о тревогах и неприятностях. Ты совершенно не похожа на себя. Просто неузнаваема.

Орландо попросту не понял. С Дендре произошло нечто очень важное. Спящая царевна проснулась.

– Иди, я тут хочу поговорить кое с кем, подойду потом, – сказала она брату.

Едва Орландо скрылся в толпе, Дендре направилась в гардероб, подала номерок и получила длинную шиншилловую шубу. Одевшись, Дендре почувствовала, что это экстравагантное, роскошное произведение искусства в самый раз по ней. Она вышла из музея на холодный свежий воздух и прошла несколько кварталов, потом остановила такси и поехала в центр, на Двадцать седьмую улицу, туда, где она подходит к Гудзону. Среди темных тихих домов бросалась в глаза мигающая неоновая вывеска «Содружество».

Дендре вошла с улицы – этим поздним вечером там не было ни людей, ни машин – в греческий ресторан и была встречена громкими, визгливыми звуками бузуки и бурным приветствием Димитрия Константиноса, владельца. Она увидела исполнительницу танца живота Ясмин, которая вертелась перед множеством большей частью пустых столиков.

«Содружество» оживлялось и заполнялось до отказа клиентами с полуночи до пяти утра. Одинокие греческие матросы, греческие судовладельцы, стосковавшиеся по дому иммигранты, даже коренные ньюйоркцы охотно посещали это заведение как средоточие гостеприимства и веселья.

Щелчок пальцами, и Дендре подвели к одному из столиков у эстрады, где Димитрий сам снял с нее шубу и придвинул стул. Ясмин кивнула и помахала рукой Дендре, не сбиваясь с ритма танца.

– Вы сегодня выглядите королевой, – улыбнулся Димитрий, целуя ей руку.

– Ты сама любезность, – отозвалась она.

Дендре все нравилось в этом шумном, веселом ресторанчике, куда они с Гидеоном выбирались ради духа Греции, которую оба любили. Они скучали по этой стране, когда не появлялись там долго, и приезжали в «Содружество»: здесь их ждала не особенно хорошая греческая кухня, невообразимая греческая музыка, множество Ясмин, перебивавших там за годы. Гидеону нравился дух товарищества, царивший в ресторане, далеко от мира искусства. Нравилась пестрая публика. Художник любил как следует выпить с каким-нибудь незнакомцем и танцевать по-гречески соло, чего не делали многие из греков: то была форма самовыражения, к которому они не стремились.

– Гидеон встретится с вами здесь? – поинтересовался Димитрий.

– Нет. Он на вечеринке. Мне захотелось послушать греческую музыку, выпить вина, посмотреть танец Ясмин и поднять настроение. И вот я здесь. А Гидеон может появиться. Кто знает? Ты знаешь, как он любит танцевать, когда в хорошем настроении.

Дендре не впервые приезжала одна в этот ресторан. У Димитрия было немало клиентов, которые любили при случае выбираться к нему без супругов; просто посидеть, послушать музыку и унести в какой-то иной мир.

Димитрий вернулся лишь раз, поставил перед Дендре миску очищенных и нарезанных фруктов, чашку густого меда янтарного цвета и тарелку обжаренных и подсолненных фисташек.

Дендре еще несколько минут следила за экзотическим танцем Ясмин, пока пышная, моложавая женщина, увешанная золотыми украшениями, не убежала, трепеща шифоновыми покровами, со сцены. И тут появились звезды «Содружества»: смуглые красивые музыканты с мрачными лицами – игроки на бузуки. С инструментами в руках они сели в ряд лицом к слушателям. Несколько минут спустя музыка проникла в сердце Дендре, и она унеслась мыслями в прошлое.

ФАЙЕР-АЙЛЕНД, НЬЮ-ЙОРК 1961-1993 годы

Глава 4

Дендре пыталась понять, что с ней происходит, когда Гидеон Пейленберг вел ее по Гринич-Виллидж в свою мастерскую. Знакомиться с мужчинами на улице было не в ее характере. Сердце девушки колотилось, приключение с незнакомцем возбуждало.

Дендре потрясло ощущение чувственного удовольствия, когда Гидеон смело распахнул ее пальто, полюбовался ее фигурой, потом продолжал с аппетитом есть ее завтрак. В его глазах была страсть, и это пробудило воспоминание об интимных ощущениях, которые она испытывала до сих пор лишь в спальне, наедине с собой, мечтая избавиться от невинности и заниматься сексом в свое удовольствие.

Секс для Дендре был тайной, столь же притягательной, сколь пугающей. Ей хотелось надежных брачных уз, чтобы узаконить беспокоившую ее могучую, но основательно подавленную чувственность. Встречаясь с еврейскими парнями из Бруклина, большей частью симпатичными, умными, амбициозными, она смотрела на каждого прежде всего как на возможного мужа, потом уже как на сексуального партнера. Страх оказаться отвергнутой как «легко доступная женщина» определял ее отношение к мужчинам. И сводил интимную жизнь к нулю, оставляя ей только воображать физическую близость, о которой Дендре почти ничего не знала и которую жаждала испытать. Девственница поневоле, она совершенно не представляла себе, где найти достойного мужчину, чтобы отдаться ему (как ей внушала мать), и это стало для нее в последнее время гнетущей проблемой. Девятнадцать лет. Время прошло. Ей был нужен сильный, красивый, решительный мужчина. Словом, где-то между Вашингтон-сквер и Нижним Бродвеем Дендре влюбилась.

– Если бы ты шел помедленнее, я бы успевала за тобой, – сказала она Гидеону.

Продолжая держать ее за руку, Гидеон внезапно остановился, развернулся, и она ткнулась ему в грудь. Он засмеялся и сказал:

– Я всегда спешу к чему-то, кому-то, куда-то. Хочу жить полной жизнью, испытать все, а ты – неожиданность, нечто новое, чтобы насладиться тобой, как стряпней твоей матери.

Сообщив это, он перешел с быстрого шага на бег. Дендре приходилось стараться изо всех сил, чтобы не отстать. Миновав несколько кварталов, они сбавили скорость, и Гидеон обнял девушку за плечи. Так они шли по улицам. Волнение и неопытность делали Дендре в глазах Гидеона особенно соблазнительной. Новая знакомая была совершенно не похожа на типичных американок, белокурых красоток, которым он обычно отдавал предпочтение в постели. Ее лицо было намного более выразительным, чем у манекенщицы, в пышном теле никаких недостатков. Походка девушки казалась чувственной, даже эротической, выражение лица – спокойным, сосредоточенным. Он был заинтригован.

Когда они миновали Гринич-Виллидж, Дендре почувствовала тревогу. Улицы, по которым они шли, – грязные, почти безлюдные, если не считать пьяных и бродяг, – вызывали пугающее чувство бедности: сердца, духа и, разумеется, кошелька. Казалось, там не было признаков жизни, за исключением рывшихся в мусоре кошек, несколько зверьков агрессивно преследовали их в надежде получить какой-нибудь корм. Где же булочные, зеленные лавки, сапожные мастерские, аптеки? Из уютного, обжитого Бруклина Дендре попала в кирпично-каменную пустыню.

Наконец Гидеон остановился перед четырехэтажным зданием.

– Пришли. Мне не терпится показать тебе свои работы, услышать, какого ты мнения о них, – сказал он, крепко обняв девушку. И страстно поцеловал ее, перед тем как отпереть тяжелую металлическую дверь, покрытую рисунками. С этим поцелуем из ее сознания исчезли унылая улица, запах бедности и запустения. Дендре чувствовала головокружение от страсти, радость от его живости, волнение от перспективы увидеть его работы. Она чувствовала, как он крепко сжимал ее руку, увлекая в вестибюль здания, который она ожидала найти темным и грязным.

Увидев отразившееся на ее лице облегчение, Гидеон улыбнулся. Весь вестибюль был выбелен, даже пол. У стен стояла какая-то сломанная мебель, но даже она в этих стенах выглядела эстетично.

– Все взято со свалок, – пояснил он.

– Ты превратил выброшенную мебель в скульптуры, – восхитилась Дендре.

Гидеон подумал, что верно ее оценил: девушка хочет жить полной жизнью, ее легко будет воспитать, у нее есть кое-что за душой. Им будет хорошо вместе.

– Ассамбляж, – поправил он, – прикладной ассамбляж. Здесь хранится все мое добро: еда, одежда, необходимые вещи.

Голые лампочки в вестибюле, свисавшие на длинных черных шнурах, отбрасывали скорее теплое сияние, чем яркий свет. Каждая появлявшаяся из темноты вещь дышала живостью, энергией. Дендре поняла, что создатель этих вещей, ее похититель, является природной силой, феноменом, преобразующим все, с чем соприкасается. Очарованная тем, что увидела, Дендре сняла пальцы Гидеона со своего запястья. И, потирая затекшую руку, стала расхаживать, рассматривая его работы.

– Не трать время попусту. Это не настоящая моя работа, просто временная мебель бедного голодающего художника.

Гидеон снова обнял ее, поцеловал, на сей раз погладив по шее, потом запустил руки под лиф платья и стал ласкать ее грудь. Дендре напряглась от страха, но не стала вырываться. Он улыбнулся этой неопытности. Такой она нравилась ему еще больше. Он чувствовал, что она потрясена своими чувствами к нему, и это тоже нравилось ему. Взяв Дендре за руки, Гидеон поднес их к губам и поцеловал пальцы. Потом, держа за руку, повел девушку туда, где ей наверняка хотелось оказаться.

Темная, шаткая лестница, по которой они взбирались, была очень крутой и угрожающе отходила от стены. Дендре, которую в другое время угроза падения удержала бы от того, чтобы подняться хотя бы на один пролет, забыла о страхе. Она была так счастлива, что не могла не подниматься вместе с Гидеоном.

Громадный верхний этаж, ничем не перегородженный, был залит полуденным солнечным светом, лившимся из окон в разных концах помещения. И все же это было мрачноватое место с высоким потолком и железными опорными колоннами. Здесь пахло сыростью, масляной краской, льняным маслом, скипидаром. Запах был не столько неприятным, сколько красноречивым. Эта мастерская была островком творческой энергии посреди Манхэттена, местом уединения. Металлические рамы с картинами, белые стены и аккуратность вызвали у Дендре ощущение организованности и целеустремленности. Это было убежище энтузиаста, подвижника, поставившего перед собой огромную задачу.

Краем глаза Дендре увидела несколько картин на подрамниках, холсты, приставленные к стенам, громадный мольберт, большой стол с аккуратно сложенными выдавленными тюбиками масляной краски, жестяными и стеклянными банками со стертými кистями всевозможных размеров, лист стекла, видимо, служивший палитрой... Гидеон вел ее к месту, где на полу лежали три матраса один на другом. Они были покрыты белыми простынями и старым, потертым восточным ковром, заменявшим покрывало. Стол, вернее, деревянная дверь, положенная на две металлические бочки из-под пива, пара шатких стульев в дальнем от постели углу,

обшарпанный холодильник и жалкого вида плита в другом – таковы были житейские удобства Гидеона, не считая книжного шкафа, а также туалета и двойной раковины с выщербленной белой эмалью. Они не были закрыты хотя бы ширмой.

Гидеон повернул девушку лицом к себе и, не выпуская ее рук, отступил на шаг и принялся разглядывать Дендре. Между ними явно возникло влечение друг к другу, невысказанная, но острая потребность, которая требовала удовлетворения. Гидеон выпустил руки и погладил густые черные кудри. Провел пальцем, по ее носу, потом по губам. Ни он, ни она не произнесли ни слова. Гидеон снял с Дендре пальто и позволил ему соскользнуть на пол. Расстегнул пуговицы платья и стянул его с плеч к бедрам. Потом стал разглядывать девушку: превосходные по форме и размеру груди, соски, окруженные темным, восхитительно декадентским ореолом, такие возбуждающие на фоне белой, упругой, шелковистой как атлас кожи. Он был очарован зрелостью, готовностью Дендре Московиц. Он будет писать ее множество раз. Она будет представлять для него меняющиеся аспекты охваченных страстью женщин.

Влечение стало почти невыносимым. Дендре хотела предпринять что-нибудь, но понятия не имела, что и как.

Она знала только одно: ей хочется отдаться этому мужчине. Чтобы он любил ее, как никто и никогда раньше, так сильно, что никогда не захотел бы другой женщины. Дендре была уверена, что в эту минуту Гидеон любил ее именно так. Это было ясно по тому, как он пожирал ее глазами, по восхитительной страсти, сияющей на его красивом лице.

И Дендре была права. Гидеон обожал женщин, женское тело и секс. Секс, вождение и страсть были для него эликсиром, божественной амброзией. И в этой странной, незрелой, но чувственной девушке было нечто гораздо большее, чем то, о чем говорила ее внешность. Гидеон влюбился в заурядность Дендре Московиц, роскошную женщину со страстной скрытной душой, трепетавшей для него, и только для него.

Гидеон раздевался перед ней неторопливо, потому что девушка не могла оторвать от него глаз и он хотел, чтобы она наслаждалась каждым дюймом его плоти. Он был возбужден, трепетал от желания прильнуть к ней губами, разделить чувственное блаженство. Потрясение Дендре при виде его пениса, так готового к обладанию ею, отражалось в ее глазах. По этому взгляду Гидеон понял, что она еще ни разу не была так бесстыдна с мужчиной, так очарована пенисом, так захвачена мыслью о сексе в струящемся солнечном свете. Ему хотелось, чтобы она ласкала его, возбуждала еще больше. Нет. Она не двинулась к нему. Вместо этого карие глаза наполнились слезами, дыхание стало тяжелым. Он мгновенно понял, что ее мучают страсть и досада на его медлительность.

Гидеон подошел к ней, погладил ее груди, довольно сильно ущипнув длинные, толстые соски. Дендре застонала от удовольствия, а он нежно поцеловал ее в губы, стянул с бедер платье, трусики... Теперь на ней оставались только белый кружевной пояс с резинками, чулки и туфли на высоких каблуках. Гидеон смотрел на нее так, как никто и никогда раньше. Вытянув руки и взяв Дендре за пальцы, Гидеон обошел ее вокруг.

– Я буду писать тебя. Множество раз. Сделаю тебя самой знаменитой в мире натурщицей. Ты великолепна в своей страсти. У тебя очень соблазнительное тело. Я хочу, чтобы весь мир смотрел на тебя и видел, какой ты лакомый кусочек.

Дендре была охвачена огнем. Вновь и вновь она безмолвно молила: «О Господи, пусть он возьмет меня немедленно. Ожидание ощутить его в себе невыносимо. Пожалуйста, пусть это случится сейчас».

Гидеон опустил Дендре на колени.

– Ты восхитительное создание, и я поведу тебя туда, где ты никогда не бывала, мы будем там вместе, пока твоя сексуальная энергия не будет израсходована, а потом пойдем еще дальше. Ты будешь только моей, навсегда, я не оставлю в твоей душе и в сердце места никому, кроме меня. Ты веришь мне?

– Да, – прошептала Дендре, молясь, чтобы это оказалось правдой.

– Тогда покажи, зачем мне это делать, – потребовал он.

Дендре погладила его бедра, провела пальцами по густым, светлым лобковым волосам, потом сунула пальцы ему между ног, но ни разу не коснулась пениса. Гидеона удивило, что она дразнит его. Ему надоели молодые женщины, играющие в эту игру. Будь на ее месте другая, он тут же навсегда выпроводил бы ее из мастерской. Но Дендре... неужели динамистка, которая не собирается отдаться? Это не вязалось с ее искренностью, чистотой духа, которую он ощутил в ней, ее благородством, вожделением и страстью, которые светились в глазах девушки.

– Почему ты отводишь глаза от моего члена, когда хочешь его? Водишь пальцами вокруг пениса, как дешевая динамистка? Не стоит играть в эту игру, и мы оба знаем это. – С этими словами Гидеон обвил ее пальцами член и начал двигать руку Дендре взад-вперед. Другую ее руку он подвел под свои мускулистые ягодички, чтобы она могла их гладить.

Вздохнув с величайшим наслаждением, он сказал ей:

– О да. Как ты нежно ласкаешь меня. Ты восхитительна.

И закрыл глаза, наслаждаясь.

Дендре почувствовала, как поток силы, энергии струится по ее венам, ее плоти. Она содрогнулась от наслаждения. Когда миг высшего сексуального блаженства прошел, она поняла, что нашла мужчину своей жизни, того, кому хотела отдаться сейчас и навсегда.

Гидеона удивили собственные слова и чувства. Он не назвал бы Дендре легкой добычей, как вначале подумал, увидев девушку. Они хотели друг друга, хотели войти в жизнь друг друга. Он поразился тому, как легко наивная юная женщина завладела его сердцем, хотя этого не удавалось более красивым и искушенным особам. Ему было хорошо с ней. Сексуальное блаженство охватило его тело и душу. Ему нравилось, как она ласкает его. Гидеон представил, как она держит его яички в нежном, теплом, атласном рту, облизывая, будто кошка.

Возбуждение Гидеона почти достигло высшей точки. По-прежнему стоя, он погладил Дендре по голове и сказал:

– Интересно, понимают ли женщины, как приятны эти ощущения мужчине? Ты чудо. Мне нравится, как ты любишь меня.

Гидеон нагнулся, поцеловал ее в губы, стал ласкать их языком, пока они не разошлись, потом, выпрямившись, положил ладони на ее руки и, направив кончик пениса к ее губам, несколько раз провел по ним взад-вперед. Она приоткрыла рот, облизнула пенис. Сначала робко, но потом эротическая страсть, жажда вкушать его полнее взяла верх, и девушка нежно втянула пенис в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.